

Глазырин Максим Алексеевич

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Кафедра уголовного права имени М.И. Ковалева

Россия, Екатеринбург

maxim.glazyrin2000@yandex.ru

Glazyrin Maxim

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Department of Criminal Law named after M.I. Kovalev

Russia, Yekaterinburg

ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ: ЭКОНОМИКА ИЛИ ЭКОЛОГИЯ?

Аннотация: вопросы квалификации посягательств на природные ресурсы традиционно остаются дискуссионными. В настоящей работе автором предпринимается попытка найти критерии дифференциации экономических и экологических преступлений. Отдельное внимание уделяется проблеме несистемности охранительных норм уголовного и административно-деликтного законодательства.

Ключевые слова: природные ресурсы, недра, преступление, административное правонарушение, экология, экономика.

THE OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF NATURAL RESOURCES: ECONOMICS OR ECOLOGY?

Annotation: the issues of qualification of encroachments on natural resources traditionally remain controversial. In this paper, the author attempts to find criteria for differentiating economic and environmental crimes. Special attention is paid to

the problem of non-systemic protective norms of criminal and administrative-tort legislation.

Key words: natural resources, subsoil, crime, administrative offense, ecology, economy.

Природа в жизни человечества играет большую роль. И если раньше человечество относилось к ней, как к «кладовой ресурсов», то теперь в качестве важнейшего принципа взаимодействия природы и социума провозглашается уважение и ненарушение основных природных процессов (п. 1 Всемирной хартии природы [2]). В статье 9 Конституции РФ [1] справедливо подчеркивается, что природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. На уровне отраслевого законодательства (Федеральный закон «Об охране окружающей среды» [11]) подчеркивается, что приоритет отдается охране природных ресурсов перед их экономической реализацией.

В результате изменения природоохранной парадигмы меняется и система преступлений: если в советское время охрана природных ресурсов осуществлялась в рамках преступлений против социалистической собственности, то в настоящее время в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ [8]) существует глава 26 – «Экологические преступления». Но до сих пор вопрос об уголовно-правовой охране природных ресурсов не нашел полноценного разрешения.

Одной из ключевых проблем разграничения экологических преступлений и экономических преступлений (в широком их понимании) заключается в том, что подавляющее большинство природных ресурсов на сегодняшний день находится в государственной собственности: недра (ст. 1.2 Закона РФ «О недрах» [9]), водные объекты (за отдельными исключениями – ст. 8 Водного

кодекса РФ [3]), животный мир (ст. 4 Федерального закона «О животном мире» [10]), лесные участки в составе земель лесного фонда (ст. 8 Лесного кодекса РФ [7]), земли, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц или муниципальных образований (п. 1 ст. 16 Земельного кодекса РФ [5]). Установление режима государственной собственности не приводит к изъятию или ограничению данного имущества в обороте, а порождает особый правовой статус обращения [20, с. 28], учитывающий особое значение природных ресурсов для жизнедеятельности общества. Из этого проистекает дифференциация охранительного режима: преступные посягательства на «публичные» природные ресурсы признаются экологическими преступлениями, тогда как посягательства на ресурсы, находящиеся в частной собственности или в частном владении, являются хищениями. Таким образом, при частном владении на передний план выходит право собственности, тогда как в обратной ситуации экология возымеет приоритет над экономической составляющей (а точнее, правом собственности государства). Насколько это правильно? Представляется, что это является нарушением принципа равенства всех форм собственности, поскольку государственная собственность охраняется лишь в той мере, в какой это обеспечивает экологическую безопасность.

В науке уголовного права в результате дискуссий был сформулирован критерий отграничения хищений и экологических преступлений – труд, которым вполне определенный ресурс природы отторгается от нее, которым разрываются его связи с природной средой [19, с. 58]. Этой же позиции придерживается Н.А. Лопашенко [21, с. 118]. Но только этим критерием можно ограничиться? Безусловно, нет: несмотря на то обстоятельство, что хищения охватывают значительную часть посягательств на природные ресурсы, имеются и иные преступления, связанные с природными ресурсами, но закрепленные в

главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» (ст. 191-191.1 УК РФ).

Здесь стоит обратить внимание на то, как законодатель формулирует диспозиции составов экологических преступлений. Подавляющее большинство составов экологических преступлений являются материальными и содержат указание на последствия. И если в ряде составов как «общих», так и «специальных» экологических преступлений последствия действительно оказывают негативное влияние на окружающую среду или на человека (причинение вреда здоровью, смерти, изменение радиоактивного фона и т.д. – см. ст. 246-254 УК РФ), то в других преступлениях последствия формулируются через категории значительного, крупного или особо крупного ущерба. С учетом положений ст. 15 Гражданского кодекса РФ [8], указывающей, что под ущербом понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества, возникает закономерный вопрос: кому причиняется ущерб? Исходя из вышесказанного, государству. И получается некоторое противоречие: с одной стороны, природные ресурсы – это не имущество в чистом виде, поскольку оно не имеет экономического признака (в него не вложен труд), с другой стороны, посягательство на природные ресурсы влечет экономические издержки для государства как собственника этих ресурсов.

Для разрешения этой проблемы следует обратиться к концепции «регуляторной противоположности». Под данным понятием Г.А. Есаков понимает несоответствие конкретного деяния конкретной норме иной отрасли права [18, с. 153]. Ввиду бланкетности составов экологических преступлений Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [12] подчеркивает

необходимость указания, в чем выражено нарушение норм законодательства, регулирующего те или иные отношения. И здесь особое значение играет дуализм предмета экологического права: оно регулирует отношения, связанные как с природопользованием (то, что ранее называлось природоресурсным законодательством), так и охраной окружающей среды (природоохранительное законодательство). На наш взгляд, исходя из принадлежности отношения к той или иной области предмета экологического законодательства, и стоит относить противоправные деяния к области экономических либо экологических преступлений, хотя и с некоторыми оговорками. Так, стоит согласиться с Е.Ю. Гаевской и О.М. Неудахиной, утверждающими, что посягательства на животных (в том числе водных) следует признавать экологическими преступлениями в силу сложности установления субъекта, реально ощущающего ущерб [16, с. 141; 22, с. 15]. Что же касается почв, водных объектов, атмосферного воздуха, то посягательства в отношении них также следует оставить в рамках главы 26 УК РФ, поскольку любое воздействие на них является губительным для окружающей среды, лишь опосредованно задевая экономические интересы государства.

Сложнее вопрос решается с двумя видами природных ресурсов: лесными насаждениями и недрами. Посягательства на них вызывают наибольшие споры в уголовно-правовой науке. Применительно к лесным насаждениям это объясняется наличием в уголовном законе составов преступлений, закрепленных в статьях 191.1 и 260 УК РФ. Несмотря на то, что в Постановлении Пленума ВС РФ № 21 [12] говорится о том, что действия лица, совершившего незаконную рубку насаждений, по дальнейшему распоряжению древесиной не требуют дополнительной квалификации как хищения чужого имущества, данное разъяснение не решает вопрос о возможности квалификации действий лица по совокупности со статьей 191.1 УК РФ. И на сегодняшний день не имеется единой позиции по данному вопросу: с одной стороны, можно

найти аргументы и в пользу квалификации по совокупности данных норм (этой позиции придерживается Е.Ю. Гаевская [17, с. 110], в правоприменительной практике – Первый кассационный суд общей юрисдикции [13; 14]), и против данной позиции (в науке – Е.В. Шелеметьева и В.А. Кулик [23, с. 41], в правоприменительной практике – Тверской областной суд [15]). На наш взгляд, квалификация по совокупности отвечает как интересам охраны экономических интересов государства в части обеспечения сохранности природных ресурсов как части государственной собственности, так и требованиям лесного законодательства, закрепляющего, что заготовка древесины является собой предпринимательскую деятельность, связанную с рубкой лесных насаждений, а также с вывозом из леса древесины (ч. 1 ст. 29 Лесного кодекса РФ). Т.е. заготовка охватывает собой как рубку (в том числе и уголовно наказуемую), так и последующую реализацию добытой древесины.

Противоречия проявляются также и при анализе межотраслевых связей уголовного и административно-деликтного права. Как и в УК РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ [6]) содержит отдельные главы, касающиеся охраны собственности (глава 7) и охраны окружающей среды (гл. 8). Так, при сопоставлении составов административных правонарушений и экологических преступлений проскальзывает непоследовательность законодателя в части охраны недр. Например, самовольная добыча янтаря, нефрита и других полудрагоценных камней представляет собой административное правонарушение в сфере охраны собственности (ст. 7.5 КоАП РФ), но в случае, если размер изымаемых полудрагоценных камней (и снова признак экономический – есть ли вред природе, вопрос большой) признается крупным или данное деяние совершается лицом, ранее привлекаемым к административной ответственности, то в таком случае страдает не право собственности государства на природные ресурсы, а экологическая безопасность (ч. 2 и 3 ст. 255 УК РФ). Аналогичная ситуация

связана со статьей 7.4 КоАП РФ и ч. 1 ст. 255 УК РФ: осуществление застройки площадей залегания полезных ископаемых вредит праву государственной собственности, но как только государству причиняется значительный ущерб (при этом в уголовном законе не приводится примечания, что стоит понимать под значительным ущербом), под охрану вновь ставится экологическая безопасность. Таким образом, граница между административными правонарушениями и экологическими преступлениями размывается, что в отдельных случаях позволит судам рассматривать одну и ту же ситуацию либо как преступление, либо как правонарушение, что не соответствует требованиям законности.

Как разрешить указанное противоречие? На наш взгляд, критерий регулятивной составляющей позволяет разграничить экономические интересы от интересов государства в сфере обеспечения экологической безопасности.

Что для этого требуется? Единственный вариант – это кардинальный пересмотр парадигмы: фактически большая часть преступлений, затрагивающих обеспечение сохранности природных ресурсов и влекущих исключительно экономический ущерб как следствие преступных актов, должны быть перенесены в раздел «Преступления в сфере экономики» в качестве самостоятельной главы, при этом конструирование составов преступлений должно учитывать необходимость постановки в качестве дополнительного объекта уголовно-правовой охраны экологической безопасности. Представляется, что эта идея может быть реализована только при обсуждении проекта нового уголовного закона.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского

голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

2. Всемирная хартия природы (принята 28.10.1982 Резолюцией 37/7 на 48-ом пленарном заседании 37-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2. – М.: БЕК, 1996. С. 132-135.

3. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // Российская газета. 2006. № 121.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Российская газета. 1994. № 238-239.

5. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Российская газета. 2001. № 211-212.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.07.2024, с изм. от 18.07.2024) // Парламентская газета, 2002, № 2-5.

7. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // Российская газета. 2006. № 277.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

9. Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 25.12.2023) «О недрах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 06.03.1995. № 10. Ст. 823.

10. Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «О животном мире» // Российская газета. 1995. № 86.

11. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // Российская газета, 2002, № 6.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.
13. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.04.2024 № 77-1076/2024 // СПС «Консультант Плюс»
14. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.07.2023 № 77-3748/2023 // СПС «Консультант Плюс»
15. Постановление Президиума Тверского областного суда от 25.12.2017 № 44у-174/2017 // СПС «Консультант Плюс».
16. Гаевская Е.Ю. К вопросу о разграничении хищений и фаунистических преступлений // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – № 2. – С. 135-143.
17. Гаевская Е. Ю. Обзор изменений законодательства в сфере борьбы с незаконной заготовкой древесины // Вестник МИЭП. – 2016. – № 2. – С. 104-115.
18. Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 359 с.
19. Жевлаков Э.Н. О разграничении экономических и экологических преступлений: теория, законодательство, практика // Уголовное право. – 2017. – № 2. – С. 55-63.
20. Забавко Р.А. Предмет хищения – природные ресурсы? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2012. – № 2 (61). – С. 26-31.

21. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография / Москва: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 528 с.

22. Неудахина О.М. Проблемы уголовной ответственности за незаконную добычу водных животных и растений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. – 28 с.

23. Шелеметьева Е.В. Вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 191.1 и 260 УК РФ (по материалам обвинительных приговоров России) / Е.В. Шелеметьева, В.А. Кулик // Евразийский союз ученых. – 2019. – № 10-3(67). – С. 39-41.